

Олин Валериан Николаевич

**Странный бал, повесть из
Рассказов на станции, и
восемь стихотворений**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В15

В15 **Валериан Николаевич О.**
Странный бал, повесть из Рассказов на станции, и восемь стихотворений /
Олин Валериан Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2024. – 86 с.

ISBN 978-5-521-26242-7

ISBN 978-5-521-26242-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Грандъ-пассіансъ уже наскучилъ, книга не читается, лежать не лежитъ. Генераль, для разсѣянія, спросилъ трубку; но и тутъ опять горе! Выкуривъ передъ этимъ уже нѣсколько трубокъ, онъ почувствовалъ отъ этой послѣдней тошноту; — позвонилъ въ колокольчикъ, спросилъ стаканъ холодной воды, чтобы освѣжить желудокъ — пить не хочется! — Бѣда да и только! — Однимъ словомъ, какое-то враждебное вліяніе, казалось, окружало его и надъ нимъ тяготѣло.

Прошедши нѣсколько разъ въ-задъ и въ-передъ по комнатѣ, Генераль снова позвонилъ въ колокольчикъ.

— «Иванъ!» сказалъ онъ вошедшему слугѣ, «выдь на дворъ и погляди какова погода; да смотри не вѣтрено

ли? — Все будетъ по крайней мѣрѣ не такъ душно какъ здѣсь,» продолжалъ онъ по уходѣ слуги; и, снявши съ головы колпакъ, повѣсилъ его на статуйку Медицiйской Венеры, стоявшей у него на подзеркальномъ столикѣ.

Слуга возвратился съ отвѣтомъ.

— «Ну, такъ дай же мнѣ поскорѣе одѣться,» сказалъ Генераль; «я хочу немного освѣжить себя воздухомъ. Мертвая скука!» —

Казалось, что какая-то таинственная сила невольно увлекала Генерала на улицу.

Накинувъ на себя шинель и нахлобучивъ фуражку, Генераль взялъ

трость и пошелъ прогуляться. На дворъ было уже часовъ около десяти.

Взявши дорогу, безъ цѣли и безъ намѣренія, по набережной Фонтанки, и сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, онъ сталъ дышать свободнѣе, освѣженный воздухомъ. Ночь была тихая, но темная: порою выплывалъ изъ за тучъ мѣсяцъ, сребря фантастическіе края ихъ, или разсыпая перломутровый блескъ по дымчатому ихъ руну, и снова застилая тучами. Генералъ шелъ, шелъ, шелъ, все прямо по набережной, и наконецъ, поворотивъ на Чернышевъ мостъ къ переулку, ведущему къ Гостиному двору, пошелъ другою стороною Фонтанки, пробираясь уже домой. Время приближалось къ двѣнадцати часамъ; стукъ экипажей уже изрѣдко прерывалъ безмолвіе ночи; свѣту въ окнахъ большей

части домовъ уже не было; пѣшеходы начали встрѣчаться рѣже и рѣже; многіе изъ фонарей уже догорали; и самыя даже наши гостепріимныя Фрины (прибавилъ, улыбнувшись, Путешественникъ) молились уже дома передъ лампадкою.

Ночь въ столицѣ поучительна для наблюдателя.

Вдругъ, неожиданно, попадаетъ Генералу на встрѣчу знакомецъ его, Вельскій, молодой образованной человѣкъ. Онъ былъ закутанъ въ широкой Гишпанской плащъ; на головѣ у него надѣта была шляпа также съ широкими полями, подобная тѣмъ, какіа носятъ въ Англіи Квакеры, или лучше сказать она скорѣе походила бы на погребальную, если бы только туля

ея имѣла форму полусферическую, а не просто обыкновенную.

— «Куда, любезнѣйшій?» спросилъ Генералъ Вельскаго, подавая ему руку, и остановившись съ нимъ подъ фонаремъ на тротуарѣ набережной.

«Въ гости,» отвѣчалъ Вельскій. «А вы, Генералъ, куда и откуда? — Вѣрно изъ гостей, изъ театру, — или также въ гости?» —

— «Нѣтъ,» отвѣчалъ Генералъ; «просто прохаживался, и возвращаюсь теперь домой.» —

«Но эти часы,» возразилъ улыбуясь Вельскій, «кажется не пора для прогулки безъ цѣли. Вѣрно какое нибудь плѣнительное *rendez-vous*, Гене-

ралъ. впрочемъ быть можетъ
и весьма благоразумное. ру-
сый локонъ — прелестная, стройная
ножка, какъ у подружки перваго чело-
вѣка. или голубые глазки, оза-
ренные какимъ нибудь изъ блистаю-
щихъ теперь созвѣздій. Ха,
ха, ха! Это, право, поэзія! Да
и какая жъ еще? — Романтическая, Ге-
нералъ!»

— «Ахъ ты повѣса! — Вѣчно шут-
ки, да шутки! Со всѣмъ
нѣтъ, любезнѣйшій! ты ошибаешься:
какая-то мертвая скука — хандра не
хандра»

«Вѣрно сплинъ?» прервалъ Вель-
скій.

— «Не знаю.» —

«Далѣе, Генералъ?»

— «Выгнала меня изъ-дому. Вотъ я и пошелъ прогуляться; и теперь, освѣжившись воздухомъ, чувствую, что мнѣ стало гораздо лучше; — однако жъ еще не совсѣмъ.» —

«Долго ли вы гуляли?»

— «Да такъ, часовъ около двухъ.» —

«И вы не устали?»

— «Ни-мало.» —

«Прекрасно! — И вы не хотите спать?»

— «Нисколько.» —

«Прекрасно! — И вы говорите, что вамъ все еще скучно?»

— «Да.» —

«Прекрасно!» —

— «Что за гиль ты городишь, любезнѣйшій? — Я право не понимаю, что ты хочешь этимъ сказать.» —

«Видите ли вы этотъ домъ?» спросилъ Вельскій; и, вынувъ изъ подъ плаща лѣвую руку, на которой надѣта была бѣлая лайковая перчатка — обыкновенная бальная принадлежность молодого человѣка — указывалъ на одно зданіе съ прекраснымъ подъѣздомъ, у котораго горѣли два Кулибинскихъ фонаря или кенкета, отражая свѣтъ на мостовую. «Вотъ этотъ самой,» продолжалъ онъ, «который изнутри освѣщенъ такъ великолепно и мило?»....

Генералъ обернулся, и въ нѣсколькихъ отъ себя шагахъ, въ сторону, увидалъ въ самомъ дѣлѣ прекрасно освѣщенный домъ, мимо котораго, въ своей

задумчивости, прошелъ онъ безъ всякаго вниманія. У подъѣзда стояло нѣсколько экипажей; въ окнахъ третьяго этажа горѣло множество свѣчь, и если бы кто нибудь въ это время, съ противоположной стороны набережной, взглянулъ на это зданіе — глазамъ его представилась бы картина прелестная: домъ, опрокинутый въ воду, отражался въ зеркальныхъ зыблѣхъ ея съ своимъ освѣщеніемъ, со всѣми своими формами, и даже съ самымъ цвѣтомъ стѣнъ своихъ: по этому-то, осенью, блистательныя иллюминаціи въ Петербургѣ весьма живописны по набережнымъ; — иногда, по временамъ, раздавалась музыка; сквозь цѣльныя стекла, съ разноцвѣтными гардинами, видны были горящія лампы, люстры и канделябры, картины въ золотыхъ рамахъ, бронза, вазы съ цвѣтами, и проч.; — въ ок-

нахъ мелькали иногда, какъ бы Китайскія тѣни, человѣческія фигуры, — и вотъ прекрасный случай сказать съ Поэтомъ :

Передъ померкшими домами
Вдоль сонной улицы рядами
Двойные фонари каретъ
Веселый изливаютъ свѣтъ.

.
.
.
.
.

По пыльнымъ окнамъ тѣни ходятъ,
Мелькаютъ профили головъ
И дамъ и модныхъ чудаковъ.

и прог., и прог., и прог.

«Прекрасно, прекрасно, Генералъ!»
повторилъ Вельскій, ударивъ дважды,
какъ бы въ утвержденіе истинны словъ
своихъ, рукою въ руку.